

самой природы, а нет от авторской воли. Отсюда обилие приёмов персонализации, антропоморфизма.

¹ См.: *Толоконникова С.Ю.* Русская рок-поэзия в зеркале неомифологизма // Русская рок-поэзия: текст и контекст: Сб. науч. тр. - Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. - Вып. 2. - С. 47-53. *Яркова А.В.* Мифопоэтика В. Цоя // Русская рок-поэзия: текст и контекст : сб. науч. тр. - Тверь : Твер. гос. ун-т, 1999. - Вып. 2. -С. 101-106. *Гавриков В.А.* Мифопоэтика в творчестве Александра Башлачева. – Брянск: Ладомир, 2007.

² См.: *Логачева Т.Е.* Тексты русской рок-поэзии и петербургский миф: аспекты традиции в рамках нового поэтического жанра [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://dll.botik.ru/az/lit/coll/ontolog1/21_logach.htm.

³ *Шевчук Ю.* Сольник. - М.: Новая газета, 2009. - С. 92.

⁴ *Дёринг-Смирнова И.Р., Смирнов И.П.* «Исторический авангард» с точки зрения эволюции художественных систем // *Russian Literature*, 1980. - № VIII. - С. 418-419.

⁵ *Шевчук Ю.* Дискография ДДТ. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://lib.ru/KSP/shewchuk.txt>.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Шевчук Ю.* Сольник. - М.: Новая газета, 2009. - С. 63.

¹⁰ Там же. С. 64.

¹¹ Там же. С. 45.

¹² См.: *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города. // Учёные записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 684. - 1984. - С.30-45.

¹³ Там же. С. 110.

¹⁴ См.: *Манн Ю.В.* Динамика русского романтизма. - М.: Аспект-Пресс, 1995.

¹⁵ *Шевчук Ю.* Сольник. С. 111.

¹⁶ Там же. С. 112.

© Е.Р. Авилова

А.В. ЧЕМАГИНА

Екатеринбург

«PANEM ET CIRCENSES!»:

ОБРАЗЫ ХЛЕБА И ЗРЕЛИЩ

В ПЕСНЕ Ю.Ю. ШЕВЧУКА «ПРАВДА НА ПРАВДУ»

Хлеб и зрелища некогда составляли для римской черни идеал счастья, и она больше ничего не требовала. Века прошли, но этот идеал мало изменился.

Г. Лебон

Узнав о событиях 3 – 4 октября 1993 года (разгон Верховного Совета Российской Федерации и так называемый «октябрьский путч»), рок-музыкант Ю.Ю. Шевчук едет в Москву, чтобы собственными глазами увидеть происходящее. Он застаёт только последствия путча: БТРы, стоящие на обочинах, танки при въезде в Москву, военные посты, низвергнутый постамент Ф.Э. Дзержинского, кровь на асфальте. Ю. Шевчук поражён увиденным, в его голове тут же рождается песня «Правда на правду»:

Страна швыряла этой ночью мутной сволочью.
И разменяв добро на зло, как деньги старые на новые,
Рванула! Асфальт, когда он на щеке, как водка с горечью,
И окна, окна были первые готовые.

И зло на заливном коне взмахнуло шашкою.
Добро, оно всегда без кулаков, трясло культяшками.
Пыталась жалость убедить, помочь опомниться,
Но всё быстрее и точней летела конница.

Аплодисменты. На манеж под звёздным куполом
Повыпускала ночь зверей и замяукало,
И залекало, вспотело, вмиг состарилось,
И побледнело, и струхнуло, и затарилось,
Чем бог послал. А чёрт, а чёрт, а чёрт подсунул им,
А он ведь старый театрал, он любит грим.
Тела вдруг стали все огромные да полые,
И пьяница-сапожник память нам оставил пленки голыми.

Правда на правду,
Вера на икону,
А земля да на цветы,
Это я да это ты.

Страна швыряла этой, этой ночью сволочью.
Закат, когда он на щеке, как водка с горечью.
Страх покрывался матом, будто потом, страх брёл по городу.
Ночное небо было дотом, оно ещё напоминало чью-то бороду...
Провинция зевала грустно, нервно в телевизоры.
А кто-то просто шёл домой и ел яичницу,
Дышали трупы тихо, мерно под скальпелем «провизора»,
А кто-то в зеркале вертел уже своею личностью.

Страну рвало, она, согнувшись пополам, искала помощи,
А помощь танком по лоткам давила овощи.
Аплодисменты, бис, везде ревело зрелище,
Стреляло, браво, по беде – увидишь где ещё?

Страна рыдала жирной правдой, так и не поняв истины.
Реанимация визжала, выла бабой, последней пристанью.
Пенсионеры с палками рубились в городки с милицией,
А репортеры, с галками, их угощали блинами.

Судьба пила, крестясь, и б...довала с магами,
Брели беззубые старухи да с зубами-флагами.
Да повар-голод подмешал им в жидкий суп довольно пороху,
Герои крыли тут и там огнём по шороху.

И справедливость думала занять чью-либо сторону,
Потом решила, как всегда, пусть будет смерти поровну.
Да погибали эти окна, эти крыши первыми.
Все пули были здесь равны, все мысли верными.

Аплодисменты, бис, везде ревело зрелище.
Стреляло, браво, по беде – увидишь где ещё?

И лишь в гримерке-церкви пустота, в тиши да в ладане,
Где высота да простота, где баррикады-ада нет.
Она горела в вышине, без дыма пламени.
Я на колени тоже встал, коснувшись этого единственного знамени.

Страна швыряла прошлой ночью мутной сволочью.
Страна скребла лопатой утром по крови, покрытой инеем.
Да по утрам вся грязь, все лужи отражают синее.
Асфальт, когда он на щеке, как водка с горечью.

На память фото пирамид с пустыми окнами-глазницами,
Аплодисменты, чудный вид, с листом кленовым да с синицами.
А будущее, что только родилось, беззвучно плакало...
А время тикало себе, а сердце такало...¹

Ю. Шевчуком двигало желание высказать своё мнение о произошедших событиях, которые казались ему абсурдными, музыкант видел в них самую настоящую гражданскую войну, где каждый прав, и правда одних пытается заглушить правду других. Ему, как гражданину этой страны, наблюдающему за происходящими событиями, было обидно, что его родину довели до такого состояния.

В тексте песни очень широко используются образы хлеба и зрелищ, двух постоянных так называемой «римской формулы управления народными массами», которая звучит, как «*panem et circenses!*» (с лат. «хлеба и зрелищ!»).

Хлеба и зрелищ - вот что необходимо дать массам, чтобы спокойно ими управлять. А если лишить народ чего-то из этого, начинают возникать всякие «революционные ситуации».

Рассмотрим образы хлеба и зрелищ, встречающиеся в тексте песни Ю.Ю. Шевчука «Правда на правду», попытаемся понять их природу и выяснить цель их употребления в данном тексте.

Слушатели песни становятся свидетелями довольно странного представления: не то театральной постановки, не то циркового номера, не то репортажа с места события, который транслируется по телевизору. Так или иначе, перед слушателем разворачивается некое зрелище.

Театральность этому зрелищу придает активное присутствие в тексте песни театральной атрибутики: *грим, гримерная, аплодисменты*, восторженные крики «*бис!*», «*браво!*»:

А он ведь (черт) старый *театрал*, он любит *грим*...
Аплодисменты, бис, везде ревело зрелище.
Стреляло, *браво*, по беде – увидишь где еще?
И лишь в *гримерке-церкви* пустота в тиши да в ладане...
Аплодисменты, чудный вид, с листом кленовым да с синицами...

Действующими лицами развернувшегося перед слушателем спектакля являются необычные персонажи, это абстрактные понятия, которые в контексте песни обретают плоть: *Зло, Добро, Жалость, пьяница-сапожник Память, Страх, Судьба, повар Голод, Справедливость, Будущее*. Они активно задействованы в происходящем наравне с более реалистичными персонажами (*старухами, пенсионерами, милицией, репортерами* и др.):

И *зло* на заливном коне взмахнуло шашкою.
Добро, оно всегда без кулаков, трясло культяшками.
Пыталась *жалость* убедить, помочь опомниться...

И *пьяница-сапожник память* нам оставил пленки голыми.

Страх покрывался матом, будто потом, *страх* брел по городу.

Судьба пила, крестясь, и б..довала с магами...

Да *повар-голод* подмешал им в жидкий суп довольно пороху...
И *справедливость* думала занять чью-либо сторону,
Потом решила, как всегда, пусть будет смерти поровну...

А *будущее*, что только родилось, беззвучно плакало...

Нередко мизансцены спектакля становятся более похожими на театр военных действий: «Но всё быстрее и точнее летела *конница*», «Ночное небо было *дотом*, оно ещё напоминало чью-то бороду», «Дышали *трупы* тихо, мерно под скальпелем провизора», «А помощь *танком* по лоткам давила овощи», «*Реанимация визжала*, выла бабой, последней пристанью», «*Герои крыли* тут и там *огнём* по шороху», «И *справедливость* думала занять чью-либо сторону, / Потом решила, как всегда, пусть будет *смерти* поровну. / Да, *погибали* эти окна, эти крыши первыми. / Все *пули* были здесь равны, все мысли – верными».

Театральная постановка и бой активно сменяют друг друга на протяжении всей песни. Образ войны делает ещё более трагичным и без того невеселое зрелище.

Теперь проанализируем звуковую организацию, которая позволит уловить мелодику стиха:

Страна швыр'ала этой ночью мутной сволочью.
И размен'ав добро на зло, как деньги старые на новые,
Рванула. Асфальт, когда он на щеке, как водка с горечью,
И окна, окна были первые готовые.

Среди опорных ударных звуков, на которых и держится мелодический строй стиха, преобладает гласный *о*. Слова, завершающие строки, имеют в своём составе именно этот ударный звук. Отсюда печальное, протяжное звучание стиха.

На уровне согласных звуков мы видим нарушение мелодического строя. Этому способствует обилие взрывных звуков, аффрикат и дрожащего звука *р*, которые значительно затрудняют речь:

... Чем бог послал, а чёрт, а чёрт, а чёрт подsunул им,
А он ведь старый театрал, он любит грим.
Тела вдруг стали все огромные да полые,
И пьяница сапожник-память нам оставил пленки голыми...

Страх покрывал всё матом, будто потом, страх брёл по городу.
Ночное небо было дотом, оно ещё напоминало чью-то бороду...

Между ритмическим рисунком и звуковой организацией стиха наблюдается полное соответствие: с одной стороны, напевность, мелодичность, размеренность, а с другой, некая затруднённость речи, ощущение её спонтанности. В результате создаётся интонация трагической печали и тоски, боли и возмущения, которая вполне поддерживается образами, встречающимися в тексте данной песни.

Помимо образов театра и войны в тексте можно выделить образ цирка, за счёт которого зрелище становится нелепым, абсурдным, нереальным:

*Аплодисменты. На манеж под звездным куполом
Повыпускала ночь зверей...*

И тут уж начинаются совсем непонятные события: действий очень много, а исполнителя ни одного, отсюда ощущение неразберихи, путаницы, паники. Все это очень напоминает «бестолкотню» из кэрролловской «Алисы в Стране Чудес», бег без заданных направлений, энергия без вектора, броуновское движение, хаос:

...и замаякало,
И заалекало, вспотело, вмиг состарилось,

И побледнело, и стухнуло, и затарилось,
Чем бог послал...

Зрелище принимает нереальный, ненастоящий, бутафорский вид: «Тела вдруг стали все *огромные да полые*». И совершенно неожиданно борьба становится игрой: «Пенсионеры с палками *рубались в городки с милицией...*».

Зрелище в контексте песни «Правда на правду» приобретает полярные характеристики: 1) зрелище грандиозное, доселе невиданное: «Везде ревели зрелище, / Стреляло право по беде – увидишь где еще?»; 2) и зрелище уже всем приевшееся, привычное народу настолько, что оно вроде бы даже уже и не зрелище: «Провинция зевала грустно, нервно в телевизоры...»; зрелище, которым народ обычно пытается скрасить свой завтрак или ужин: «А кто-то просто шел домой и *ел яичницу*».

Итак, образ зрелища в тексте песни «Правда на правду» очень многогранен и неординарен, его сложно охарактеризовать одним словом, однако общее состояние, которое он производит – это полное ощущение хаоса и беспорядка, сопровождаемое трагическим звучанием.

Если образ зрелища в тексте песни очень богат и многогранен, то с образом хлеба дела обстоят иначе, он смотрится намного скромнее и проще. Все упоминания о пище в данном тексте подчёркивают её отсутствие:

Брели *беззубые* старухи да с зубами-флагами
Да, *повар-голод* подмешал им в *жидкий суп* довольно пороху...

Хлеба явно не хватает, народ страдает от голода, и чем же он сыт?
А репортеры, с галками, их *угощали блинами*.

Хлеб пытаются подменить зрелищем. Именно отсюда берет начало столь скромный образ хлеба и настолько богатый образ зрелища: «Страна рыдала *жирной правдой*, так и не поняв истины».

Жирной здесь оказывается не пища, а правда, которой страна уже пресытилась: «*Страну рвало*, она, согнувшись пополам, искала помощи».

Итак, образы зрелища и хлеба занимают в песне Ю.Ю. Шевчука неравные позиции. Зрелище преобладает над хлебом, как в количественном плане, так и в качественном. Вот и создаётся ощущение, что зрелищ много, потому что хлеба мало.

В лихие 90-е годы, когда было очень много зрелищ, но мало хлеба, создалась революционная ситуация, одним из последствий которой и оказался путч 3 – 4 октября 1993 г.

¹ Текст песни цитируется по изданию: Поэты русского рока: Ю. Шевчук, А. Башлачев, А. Чернецкий, С. Рыженко, А. Машнин. – СПб.: Азбука-классика, 2005.